

Нина ГОРЛАНОВА

ТРИ РАССКАЗА

КАЗАЧИЙ СУД

Похороны инженера назначили на вторник, и весь понедельник прошел в суматохе ожидания: приедет его жена или нет? Воздух села, казалось, сгустился от споров. Большинство говорило: нет! Зачем было сбегать отсюда год назад, если не навсегда? Иные все-таки уповали на совесть: мол, если жена инженера всю жизнь прожила за его счет, то уж похоронить обязана за свой.

Только инженер спокойно лежал в свежем занозистом гробу, не обращая внимания на эту суету и проблемы совести, потому что впервые за много лет был уверен в себе. При жизни он боялся директора совхоза, боялся своей жены, которая кричала, что пропадает в деревне с университетским образованием, а когда родилась дочь, то и ее начал побаиваться. Но сейчас все права оказались на его стороне: в интересах людей похоронить покойника. Он знал, что свое получит. Даже враг его – рак легкого – перестал мучить, хотя за это пришлось заплатить жизнью.

Во вторник, в три часа, все село явилось на панихиду, но и тут не утихали споры. Цветов принесли много – со дня на день ждали заморозков, они-то вытравят все георгины и астры. Когда говорили речи и несли гроб к Донцу, на новое кладбище, всё поглядывали на дорогу, ведущую к райцентру. Казалось, вот-вот появится жена инженера и закричит: «Что вы делаете, некультурные животноводы! Нашли, кем открыть кладбище – моим мужем! Не позволю!»

И только Гриша-Шиша (шишка на лбу – факт из его внутриутробной биографии) не оглядывался, не спорил. Он говорил, как всегда, стихами:

– Они приедут,
Но не сейчас.
В субботу к обеду –
В самый раз.

Часто стихи Гриши-Шиши оказывались пророческими. Даже стало обычаем спрашивать у него о пропавших коровах и мужьях, но на это раз ему мало кто поверил. После похорон приезжать незачем: мебель они увезли, а больше в квартире ничего нет.

Пока гроб спускали и зарывали могилу, мальчишки выловили в речке рака – был он огромен и тих. Гриша-Шиша свистнул – отчего-то всем показалось, будто это рак свистнул. С трудом очнулись от наваждения и поспешили обратно – на поминки, в клуб.

Клубное радио было сломано необычно – никак не выключалось, и все почувствовали себя неловко, когда оттуда сладострастно полилось:

– Как прекра-а-асен этот мир – посмотри-и-ии...

Развлекательная программа в конце концов закончилась. Народ настроился на торжественный лад, как вдруг синоптики объявили, что по Ростовской области

этой ночью ожидают сильные заморозки. Все разбежались, чтобы убрать из садов и дворов то, что не должно замерзнуть. За столом остался один Витя Бондаренко – раздумывать о будущем счастье.

Год назад он приехал в это село, и директор при свидетелях ему обещал: доходишь больного – квартира твоя. Легко сказать: «Доходишь»! Витя, словно назло кому-то, с такой яростью стал ухаживать за инженером, что рак легкого отступил. Правда, совсем ненадолго. Теперь квартира принадлежала семье Бондаренко, можно было ехать за семьей и детьми, но Витя почему-то не радовался. Хотя – три комнаты, кухня, кладовая, сени, в общем, половина большого совхозного дома. Да еще участок с фруктовыми деревьями да двумя грецкими. Орехи инженер посадил давно, но поскольку расти им было не год и не два, в этом году плоды появились впервые.

Ночью в самом деле ударил мороз, а в среду выпал обильный снег, который все шел и шел, к четвергу он превратился в дождь, лил целый день, в пятницу вся донская земля на субботу расцвели многолетние цветы.

Солнце с утра грело как заводное: в тени плюс тридцать. День начинался странно: дети все как один с необыкновенной охотой убежали в школу, агрономша родила двойню. Кроме того, воздух на улице отдавал какой-то химической одурью, дикторы радио и телевидения запинаясь на самых простых словах, а Гриша-Шиша приобрел где-то сапоги. Он зашел в магазин, осмотрел ассортимент и приветствовал продавщиц следующими словами:

– Консервы в томате
Да три ббб-бабы в халате.

На букве «б» он словно всегда колебался в выборе слова. Продавщицы привычно повозмущались, а потом растерялись: на ногах у Гриши новенькие сапоги – он вообще-то круглый год ходил в комнатных тапочках. На вопрос – зачем? – Гриша отвечал, что могут ноги оттоптать, а больше ничего не пояснял.

В час дня из дома вышел на привычную прогулку восьмидесятилетний дед Черников, старый казак. Он всегда брал с собой шашку, на которую опирался, как на трость. Встречая кого-нибудь, он начинал небрежно помахивать ею, будто в опоре совсем не нуждался. Принято было обращаться к нему с бравым вопросом: «Куда бежишь?» – И дед неизменно отвечал: «На кладбище». – «Но ты ведь еще живой?» – «А что толку-то!» – восклицал казачина и шел дальше, уже не размахивая шашкой, а опираясь на нее.

Сегодня он в самом деле направился в сторону нового кладбища, прошел половину пути, как вдруг с автомагистрали на большой скорости вывернули «Жигули» и чуть не сбили его. Дед очумело повернул назад, а машина, въехав в село, остановилась возле инженера дома. В это время из школы напротив вырвалась орава мальчишек и окружила приехавших плотным кольцом, иные смельчаки стучали по крыше автомобиля портфелями и пинали ногами колеса. Жена инженера, ее зять и дочь вышли из машины. Стали разгружать вещи. Зять еще доставал разобранную детскую кроватку, а инженерша с дочерью и маленькой внучкой уже направились в дом. У них был вид такой: а что, ничего особенного...

Как только открыли дверь, в нос им ударил свежий запах химии, да столь мощный, что войти внутрь решила одна дочь. Глазам ее открылась такая картина: закутанный в цветастый платок мужчина с баллончиком «Примы» в одной руке и «Дихлофосом» в другой темпераментно выводил на стене направленной стружкой яда: «Смерть кровососам!» Судя по всему, этим заклинанием он оканчивал операцию, потому что все обои были мокрыми, с потолка капало, а на полу валялось более десятка пузырьков из-под отравляющих веществ. Сухой была лишь миниатю-

ра с бравым казаком Мамаем. Выморенных насекомых видно не было, зато человек в платке уже покачивался.

– А где мой папочка? – спросила дочь деланно трогательным голоском.

Человек в платке обернулся, грозно наставил на нее свои флаконы, потом рассмеялся:

– Инженер? А они переехали. – После чего он выжал остатки «Примы» на пол, свалился на стул и сделал жест: уходите, не мешайте.

Тут жена инженера, слышавшая все, решительно распахнула дверь.

– Ты у меня пошутишь! – закричала она и зажала нос. – Я, между прочим, его жена!

– Бывшая.

– Мы не разводились.

– Бог вас развел.

Тут девочка у нее на руках заплакала, инженерша побежала в другие комнаты, но и там нашла только мокрые обои и подсыхающие надписи: «Но пасаран!» и «Химия, химия – вся за... (далее высохло) синяя».

Вошел зять с двумя чемоданами и пуховиком под мышкой. Поморщился, быстро сориентировался в обстановке и предложил отправиться на совещание в машину. Чемоданы он оставил, а пуховик так и унес обратно. Выходя, все трое вразной кричали насчет того, что квартира принадлежит им – они не выписаны.

Во дворе, кроме мальчишек, забравшихся на ореховые деревья, было уже несколько соседей, в том числе известный красавец и холостяк Вовка Бендега. Со словами «суббота, два часа дня, а я еще как дурак трезвый хожу» он пошел на инженершу и стал намекать насчет денег: мол, нес гроб полдороги, а погода очень ветреная. Жена спросила:

– Сколько тебе надо, колдырь?

Он загнул десятку, на что получил ответ: это не деньги, деньги начинаются с двадцати пяти. Тут семейство нырнуло в машину, и Вовка остался ни с чем.

– А пошла ты на год! – крикнул он, смакуя новое, привезенное из райцентра выражение. Он не заметил, как задел возмущенным локтем деда Черникова с шашкой. Дед возмутился:

– Что за день, понимаешь...

– Понимаешь, когда вынимаешь. Давай сюда! – Вовка забрал шашку и опробовал ее ногтем на предмет годности – увы, она была безнадежно тупа. Он приказал старику наточить ее, а сам пошел искать Гришу-Шишу, чтобы удостовериться насчет сапог. Действительно – в сапогах! Все глядели на Гришу с удивлением, а он как ни в чем не бывало завел светский разговор:

– Жарко было утерком,

А тут приехали с ветерком.

Чего вам здесь стоять –

Лучше «Аню Каренину» прочитать.

Кто-то возразил ему насчет чтения: жена инженера, де, вон много читала, а когда узнала про рак, собралась и укатила. Зато после похорон тут как тут. Потому что квартира им нужна – от города недалеко. Удобно, конечно...

– Отпобекать их! – предложил кто-то.

– Для чего Бондаренко инженеру целый год утку подставлял!

– Жена называется: всю жизнь белья в руках не держала, он приходил с работы, она ему стиральную машину в зубы – и все! Раскабанела от безделья.

– А привез ее когда – такая была некунная женщина.

– Разоделась здесь. За что он ее терпел: такая въедливая! Мать...

– Хватит матиться.
Пора за Витю Бондаренко заступиться! –

предложил Гриша-Шиша.

А народу уже собралось порядочно. Дед Черников сидел у забора и точил свою шашку, время от времени пробуя пальцем степень ее готовности, потом вдруг подошел к пуховику и начал рубить его, но только ткань порвал – пух пружинил, не давался. Дед отвел руку и сделал шашкой неторопливое вращательное движение, потом быстрее, наконец – вжик-вжик-вжик – клинок засверкал и слился в одно сплошное стальное зеркало.

– Эх, как мой прадед рубил, казачура! – сказал дед, задыхаясь.

Тогда молодой тракторист Игоренок перехватил у него шашку и одним ударом рассек пуховик надвое. Место разреза было таким ровным, словно разрубили тушу свиньи. Но уже через мгновение пух начал выпучиваться, а тут еще дети помогли ему, и скоро весь двор оказался в белоснежном покрывале.

– Высший класс джигитовки!

– Никакая не джигитовка. Коня-то нет.

Жена инженера увидела свой разрубленный пуховик, вылетела из машины и прямо в квартиру – вызвать по телефону милицию. Было слышно про некультурных животноводов, которые оскорбляют. За нею побежала вся остальная семейка и засела в ожидании гостей в гостиной. Витя Бондаренко заглядывал то в одно, то в другое окошко и всем своим видом сообщал односельчанам: выселяют, обижают, утомляют. Подошли члены сельсовета и попытались увести нескольких забиячливых мужиков: Вовку Бендегу, Игоренка, Гришу-Шишу. Ничего из этого не вышло, и они удалились, по-своему упрашивая «не делать хулиганства».

После их ухода общее волнение стало утихать, послышались предложения, среди них: написать от имени депутатов письмо в суд – с просьбой разобраться. Иные возражали: разберешься с нею, свинотой, они же возвышенность здесь, все остальные скотники, доярки, а у нее образование, она законы знает.

День на глазах стал иссякать, некоторым мечталось испить виноградного винца, поэтому народное настроение пошло к тому, чтобы расходиться. Почуввав это, Гриша-Шиша вдруг начал кричать на мужиков, причем без всякой рифмы.

– Ты чего? Ты чего? – опешили все.

– Я и должен ругаться,
Чтобы вы казаками могли оставаться! –

ответил он, придя в себя.

Появилась мать с утра разродившейся двойней агрономши и принесла манной каши – для внучки инженера. Вообще старушка довольно ворчливая, сегодня она была счастлива, ласково всех отводила рукой, пробираясь к крылечку и приговаривая: «Ну зачем вы интересуетесь? Чужая семья – потемок». Она забралась на верхнюю ступеньку, оставляя после себя тишину. И вдруг – вжик-вжик-вжик – полетел заблестел коврик с кашкой. Отчетливо прозвучал вздох Бендеги:

– А я колебнулся.

– А я не колебнулся, – ответил Игоренок, и его ответ потонул в общем веселом гуле.

Дверь выхватили из петель. Народ ввалился в комнату под давлением задних плавно, как под музыку. Так же плавно подняли на руки испуганную инженершу с зятем, который трепыхался, как пойманный карп. Дочь успела убежать в дальнюю комнату, где спала девочка и куда мать агрономши никого не впускала. Кто-то увидел, как дочь прыгнула из окна, крикнул «лови», ее схватили в охапку и посадили

в детскую кроватку, как в клетку. Кто успел собрать кроватку, так и осталось неясным, как и многие другие детали этого вечера.

Игоренок по одному скидывал с крыльца чемоданы, и они ложились под колеса машине. Один стукнулся о землю и лопнул, как орех. Из него вылетели три шляпки, пара босоножек и много-много косметических штучек. Дети посыпались с деревьев и стали расхватывать все и пускать в дело: наводить себе усы и бороды. Они носились по двору, похожие как один на казака Мамаю, только без горилки.

Инженерша очнулась, высунулась из машины и закричала:

– Квартира вам достанется, когда рак свистнет!

Тут же пролетел в воздухе рак – кто-то из ребят словно специально держал его для такого случая в руках. Свист получился такой пронзительный, что небо закрутилось в трубочку, как береста, и снова распрямилось. Опустилась тишина, и в ней на крыльцо из дома вышла мать инженерши с девочкой на руках. Девочка так и не проснулась. Вслед за ними появился Витя Бондаренко и, довольный, выдохнул:

– Еще бы клопы ушли...

Гриша-Шиша повел руками, и через порог, шурша, поползли на улицу полчища клопов. Они скатывались по крылечку, народ расступался. Гриша-Шиша грозно произнес:

– Вы отъелись на больном человеке,
А теперь уходите навеки!

«Жигули» в это время отъезжали, инженерша высунулась из окна и тыкала в воздух кулаком, крича:

– Мы еще встретимся!

– Я тебя встрену! – отвечал Вовка Бендега.

«Жигули» надали газу и укатили. Клопы построились повзводно и направились вслед за машиной. Расстояние между ними быстро сокращалось.

А Гриша-Шиша нажал на неиссякший запас доброты у матери агрономши:

- Почеши затылок
Да поищи бутылок!

Она побежала домой, принесла чайник вина, чтобы выпили за ее новорожденных внучат. Витя Бондаренко вынес стаканы и закуску, народ быстро повеселел. Свет из окна бывшей инженерской квартиры падал прямо на ореховые деревья, о них и зашел разговор. Гриша-Шиша поймал слетевший с ветки орех, своими огромными ладонями легко развернул его на две части, и показалась мякоть, похожая на человеческий мозг.

– Самое умное дерево, – загадочно сказал он.

Оказалось, что за это время кто-то еще сбегал домой, и народ благословил добытчика. За новорожденных выпили изрядно, а потом хватило еще принять за инженера. В свое время его не помянули как следует, а теперь – после того, как рассчитались с его женой, все почувствовали себя как бы очистившимися от какой-то давней вины. Ну и сами собой запелась привычная, старинная:

– Шел со службы ка-за-аак ма-аа-ла-дой...

– Помнишь, после армии-то он какой пришел – девки чуть не дрались Уж фигурка под ним была! Под дочерью-то его фигурка такая.

- А-а-бла-милась доска,

Подвела казака,
Искупался в воде ледяной...

– Когда трактор с Игоренком перегоняли, под лед ушли, и воспаление легких случилось у него.

– Отвечал ей казак молодой:
– Осетра я ловил под водой.
Больно речка быстра,
Не поймал осетра,
И-искупался в воде ледяной...

– Не долечился, конечно, даст разве она ему полежать.

– Па-ад-ла-а-милась доска,
Подвела казака,
И женился он той же весной.

– Интересно, рак – переходный по наследственности или нет?
– А может, и заразный!
– Где же он сейчас, этот рак, который инженера съел?
– Ты спроси, где сам инженер сейчас?
– Да не может так быть, чтобы весь инженер умер, а от него только грецкий орех остался, который он посадил. Не может быть, чтобы мысли умерли.
– А рак, он не спрашивает, есть мысли или нет. Понял?
– Не спрашивает, это ясно...

На самом деле все было неясно: осенняя, но почему-то жаркая ночь, веселая песня и печальные такие разговоры, бессвязные воспоминания – все спуталось...

Потом крутой осенний ветер завихрил оставшиеся листья, уронил несколько орехов и притих, задумался.

* * *

Жена инженера пыталась возместить себе стоимость пуховика через суд, но следователь обратился к эксперту, кандидату исторических наук. Тот объяснил, что в старину казаки действительно могли разрубить пуховую подушку, но только после особой долгой выучки.

Да и свидетелей не оказалось.

ЛАВРОВАЯ ИСТОРИЯ

Смотрите, что получается: под проливным дождем села я в плацкартный вагон «Камы»... и уже через час летит на меня готовый рассказ!

Но все по порядку.

Тучи еще ходили за окнами вагона, перекашивая свои темные лица, а Фарух (так он представился) – юноша Слицомбогатыря – уже спросил, как меня зовут.

– Нина.

– Нина-джан, хотите, я принесу чаю для вас?

– Да.

Только Фарух вернулся и стал ворковать-колдовать над чаем, добавляя сухие лепестки роз, – зазвонил его мобильник. Ответив кому-то, Фарух тотчас рассказал мне «телефонную» историю:

– Звонит домашний телефон, я трубку беру – молчат. И один вечер, и другой – звонят и молчат! И вот прихожу к своей сестре в гости, а там... кот нажимает на «повтор» на телефонном аппарате! Да-да, кот лапой жмет на разные кнопки – играет. В том числе и на кнопку повтора попадает...

И тут с верхней полки полились рассказы про другого кота:

– Наш кот Пищик, когда видит на экране забивание гола... и меня, как я вскакиваю и кричу «ура» – тогда он тоже встает на задние лапы, передние в стороны!..

И только у одной женщины в купе лицо выглядело так, будто дождь сеял на него прямо сквозь стекло. Знаете, бывает такая рембрандтовская тяжесть жизни в глазах.

В Верещагине в наше купе вошел рыжеусый молодой человек и стал застилать свою верхнюю боковую. Вот тут наконец наша попутчица – рембрандтовская – посмотрела глазами ребенка на все вокруг.

Так и неизвестно, с чего начинаются исповеди. Кажется, только что говорили о котах. И вот уже наша Рембрандтовская по-сестрински мне признается:

– Как рыжеусый похож на моего сына... На сердце такая тяжесть, словно оно – с земной шар.

– Да это все ливень! Ливень! – я достала аптечку свою. – Эгилок примите.

– Смотрю – ходит и светится мой сын. А он был скромный такой! Мог сказать «сукин сын», но «сука» – никогда. Вместо «дурак» – «дурошлеп». И вот – понимаю – влюбился. Наконец говорит: «Какие есть прекрасные имена!» – «Например?» – «Лаура – лавровая, значит». Понимаете, Кеша мой после армии выучился на повара, и я сначала думала, что из-за профессии он оценил эту лавровость – любит он блюда готовить с лавровым листом и так далее... Но все же вскоре поняла, что кулинария тут ни при чем! Он влюбился, правда. И для меня «Лаура» зазвучало как... не лавр, а почему-то вдруг – синий воздух! Ну, не смейтесь – у меня от счастья всегда синий воздух... И вот привел он через день ее – свою лавровую. Я торт испекла. Пожарила чебуреки... А там – ноздри во какие! Так и представляешь эту Лауру с плеткой и в коже. А еще – такая мокрая помада, что долго на этот рот не посмотришь. Но потом мне сказал брат – мой старший брат, от него как раз еду – из гостей... В общем, по телефону он говорил так: «Подумаешь – ноздри, идеалов нет, но если у человека пятьдесят один процент хороших качеств, то это хороший человек. А ноздри или мокрая помада – это уже не страшно». Мой сын, конечно, ничего не замечал – никаких ноздрей.

Тут я (Нина Горланова) хотела было рассказать, что некоторым именно стервы нужны. У меня один друг праздновал – давно это было – тридцатилетие. И там кто-то сказал такой тост: мол, все хорошо, такая жена – сама Весна, но вот бы еще она поласковее обращалась с мужем... Тут мой друг вскочил, разбил свой бокал и вскрикнул:

– А мне не нужна жена НЕСТЕРВА! Я при ней на диване залезу – ничего не добьюсь!

Правда, с тех пор прошло еще тридцать лет, ничего уж такого особенного он так и не добился, подумала я и не стала рассказывать сие. Впрочем, сказать, что на диване он – мой друг – залезался, тоже ведь нельзя.

Рембрандтовская попутчица между тем продолжала свой рассказ, в котором мелькали уже предвестники грозы в виде странных сравнений и мхатовских пауз:

– Кеша мой только улыбался, как юродивый. Как юродивый. Не могла же я сказать: так и так, сынок, у нее ноздри... Сына потерять, что ли... Он один у меня! Чувствовалось, что Лаура эта его околдовала за пять дней! За четыре с половиной! Женимся, говорят. А я: «Сначала давайте познакомимся с родителями Лаурочки». – «Ма, им некогда! Они только что приехали в столицу – сеть аптек открывают, им не до формальных встреч». – «Но это же их единственная дочь!» – «Ма, я тебе повторяю: они только что квартиру купили, ремонт, то да се...» – «Наверное, это

их приемная дочь, нелюбимая? Если ремонт дороже свадьбы». И после этих моих слов молодые сдались – назначили день для знакомства. Ну, Лаура приехала с родителями на «Пежо». Без цветка, без коробки конфет, даже без бутылки вина...

– Как – без бутылки?! – воскликнули тут пассажиры чуть ли не хором.

– Да, без бутылки. Не нужна им эта свадьба, подумала я. А раз так, то и мне их «Пежо» до жо... Но! Об этом сыну я ни слова не сказала, нет, ничего. Ведь жизнь изменилась и, может, у деловых нынче уж так вот всегда и будет: бизнес – главное...

– Вам они оба не понравились, мать и отец? – спросила я (Н. Г.).

– Отец-то еще более или менее. Читал тост в стихах так хорошо, что уже через час я перестала видеть его пузцо и второй подбородок. Ну, он еще предлагал все свадебные взять на себя. Но мы не согласились. Кеша зарабатывает неплохо. Пополом поделили. Затем решили свадьбу играть в новой квартире сватов... сделали они евроремонт.

– Сейчас всюду приставки «евро», – заметила я, – евроремонт, евростирка.

– Хорошо, чтобы был евро-ОМОН, – вздохнул Фарух.

– Евро-ЖЭК, – заметил Рыжеусый.

– Еврорусские, – сказала девушка с боковой полки соседнего купе и спустила ноги, чтобы к нам подсесть (в этот миг от ее лакированных ногтей на ногах солнечные зайчики пробежали по полу, и я поняла, что дождь за окном закончился).

– А мать невесты не понравилась, говорите?

– Про нее слова поэта: а с шеи каплет ожерелий жир, – тут Рембрандтовская показала миниатюрную книжку, – я учу стихи – от склероза...

Дальше – рассказ пошел пунктиром. Якобы в ЗАГСе невеста сжимала свой букет так, что стебли хрустели.

– И я уже даже пожалела ее: так хочет замуж, так нервничает. Ну, лепестками роз мы их осыпали, конечно. Но видели бы вы их – Лауру с матерью рядом! Это две железных Барби – одна победительно поводила бровями в зеркале, когда стали фотографироваться.

Рембрандтовская достала несколько фотографий:

– Вот они все... Ну а дальше что: дальше жених – мой Кеша – шел два лестничных пролета и на каждой ступеньке должен был говорить ласковое что-то невесте. Лавровая, вечнозеленая, сладчайшая и так далее... И вот сама свадьба! Входим мы в их квартиру – с нами и родня, и друзья сына. А со стороны невесты – ни-кого!

– Совсем никого?

– Никого. Говорят: только что переехали, здесь еще не завели знакомств. И родственники не успели собраться – слишком быстро все случилось, – якобы одна тетя Лауры в больнице, другая – в отпуске в Югославии... И вот что: я случайно услышала разговор отца с невестой: «А я думаю, что тебе повезло! – тихо говорил он дочери. – Жених – какая у него хорошая родня»... Согласитесь, странный разговор: он убеждает ее в том, что повезло, когда она сама торопила свадьбу.

– Подождите: тетя Лауры в больнице, другая еще где-то, а подруги ее пришли, наверное?

– Нет. Не было ни одной подруги. Мол, они все остались в Воронеже – то есть где раньше жили. А дальше что – медовый месяц молодые провели в квартире моей кузины, потому что она летом живет на даче. Мой Кеша не позволял жене две сумки продуктов принести, что вы! Я слышала один раз случайно, как он говорил приятелю по телефону: «Это как же она со мной в постель ляжет, если две сумки тяжелых принесет! Захочется ли ей со мной лечь в постель!» В общем, закончился август. Заметьте: август! И вот в конце августа этого выясняется что? Отгадайте с трех раз!

– Что она беременна от другого?
 – Что она бездетна-больна?
 – Нет. Не то. Выясняется, что Лаура должна уехать в Воронеж, где она учится в техникуме. Еще год должна доучиться. Почему раньше не говорила, почему не перевелась в Москву? Ничего не понятно. Уехала, значит, моя невестка – обещала писать. Но не писала. Сын звонит: всегда ее мобильник отключен. И он, бедный, вышел из берегов... «А где прекрасный сангвиник?» – спрашивала я его. Тогда Кеша позвонил родителям ее, а они: Лаурочка провалила зачет, Лаурочка пере-сдает... или еще про то, что она простудилась, заболела... «Если она не приедет на Новый год, я к ней поеду», – закричал Кеша. «Приедет-приедет».

– Приехала?
 – Ну, слушайте. Кеша ее ждал-готовился! Я заметила: в мобильник забил две молитвы: «Отче наш» и «Ангелу-хранителю». Чуть что – читает эти молитвы. Видимо, они помогли ему спокойствие сохранять. Подарок своей Лавровой он выбирал неделю – купил ей ноутбук, чтоб писала, значит, по электронной почте. И вот наступило тридцать первое декабря. Лаура приехала. Он купил ее любимые попугаистые тюльпаны, встретил, конечно. У нас стол накрыт. Ну, она взяла эти тюльпаны попугаистые и – как попка – заповторяла: болит голова, страшно голова болит – скорее домой и лечь. Мол, не спала всю зачетную неделю... Кеша мой тоже спать перестал тут. То есть всю ночь с тридцать первого на первое не спал. Ну, зато я поняла силу молитвы! Он мобильник достанет, прочтет, молчит. Снова достает мобильник... Не напился даже. Другой бы, может... А утром он поехал к ним. Входит – Лаура открыла ему дверь. В это время звонит телефон. Она снимает трубку и говорит: «Да, буду». Затем моему сыну – своему мужу: «Мне нужно сейчас идти к Мише».

– Что за юмор! К какому Мише? – восклицаю я (Н. Г.).

– Да я откуда знаю, к какому Мише... Пришел Кеша домой со щенячьим взглядом. «Ма, я еду в Воронеж – все узнаю». И едет в Воронеж. А там Лаурины друзья отводят глаза. Что-то знают, но не говорят. Много ведь в жизни непонятного: моему Филимонову, мужу, вырвали зуб, укол поставили перед этим, он пришел домой и стал петь частушки. Пел час, все смеялись, думали – от укола. Лекарство, мол, поддельное, наверное, вкололи – для обезболивания... Потом, через сутки, вызвали скорую. Год он пролежал в психобольнице – вылечили. Врач после спросил: что – так сильно вы частушки любите? А муж вообще их не знает! И мы не слышали от него никогда. Он замначальника, ему не до частушек, если честно! Еще через год муж попал под автобус и на месте скончался. Ну, тогда Кеше было всего пятнадцать. Ко мне сватался мой одноклассник – вдовец. Но я уж Кешу не хотела травмировать...

– Да, матери часто жертвуют всем... Простите! А можно спросить: какие это были частушки?

Ой, Семеновна
 В пруду купалася,
 Большая рыбина
 Тогда попалася...

– Кажется, последняя строка иная...

И в нашем купе сразу как будто возник этот мужчина – уколотый – солидный, но поет-орет... Странная, таинственная история эта – с частушками, думала я (Н.Г.). Вот у нас есть друг – Семен: он с юности коллекционировал частушки про Семеновну, мечтая о дочери. Но родились три сына. Мне бы записать для него эту частушку, но я – боясь скомкать разговор – не посмела достать ручку.

И хорошо, что я не достала ручку! Рембрандтовская продолжила свой рассказ.

– Стали мы всей родней думать да гадать: в чем тут дело. Почему-то сначала многие говорили, что... от мафии скрывается наша Лаура, решила сменить фамилию. Но тогда – зачем она уехала обратно в Воронеж, в тот же самый техникум? Вторая версия была, что девушка – сумасшедшая? Но какой это диагноз? Шизофрения? Не похоже. На паранойю не тянет... Говорят, есть такие вампиры-вампириши – они тянут энергию из человека. Мой брат даже предположил, что Лаура поспорила с кем-то на ящик коньяку, что за неделю выйдет замуж. Вот на спор и вышла.

– А сам Кеша что думал – как все это объяснял? Он ведь лучше чувствовал, кто его жена – какая она!

– Он считал так: Лауру бросил жених, это еще до знакомства с Кешей было. И вот – она решила доказать, что счастлива будет с другим. Или даже – подзадорить прежнего жениха, чтобы он спохватился... и чтобы сказал: «Оказывается, я не могу без тебя жить». Но это жестоко! Жестоко по отношению к Кеше и ко мне.

– Месть всегда жестока, – начал резать Фарух. – Эта Лавриха ваша хотела всему миру отомстить за что-то. Может быть, да – жених разлюбил, а может, за другое что...

– И вот – значит – лежит мой Кеша целыми вечерами – одеяло до носа. Говорю: вон кот на трёх лапах прибежал – весна, любовь, драки, а ты... Ведь он был честняга с прямым взглядом, а стал – со щенячьим взглядом... «Ма, так я же кто? Я – Филимонов, то есть однолюбов». Подал он на развод, развелся, но не может забыть, страдает...

– Знаете, – сказала я, – эта лавровая история станет ясной через двадцать лет, может – через пятнадцать. Кеша встретит Лаурочку и все узнает. У меня дочка подружки так выходила замуж, а муж через месяц ушел, оставив записку: «Не ищи меня». И она два года плакала, но потом все-таки успокоилась, развелась, вышла замуж. Дети пошли. И через двадцать лет случайно на улице встретила своего бывшего. Он приехал на двадцать лет окончания – на встречу с однокурсниками. Она спросила:

– Что тогда случилось? Почему ты исчез?

– А я понял, что не стою тебя.

– Но разве нельзя было объясниться, четко написать? – Впрочем, она тотчас поняла, что он в самом деле не стоит ее, – опустившийся, полуспившийся – и перестала дальше укорять его.

Так я успокаивала милую женщину, а сама думала: как жаль, что нельзя написать оптимистическое окончание. Мой читатель не будет рад такому обещанию – через двадцать лет узнать, почему случилось все так странно...

Но, к счастью, я в том возрасте, когда счастье выглядывает из-за каждого угла и все становится в радость уже через минуту. Тотчас подали закат прямо нам в купе. В плацкартном вагоне его столько, этого чуда (человеческих лиц, полных сочувствия к нашей рембрандтовской попутчице)!

А рано утром, когда Подмоскowie утопало в молочном тумане, я думала: двадцать лет на такую красоту смотреть бы – по пути и подождем, узнаем ответ, почему лавровая история закончилась так таинственно, так печально.

О, тут звонок мобильника разбудил Рембрандтовскую.

– Слушайте: удивительная новость! Мой Кеша встретил другую девушку! Пока я ездила. Вот так. Они меня сейчас встретят на вокзале.

Ну, слава Богу! Хотя бы я смогу читателя обрадовать этим – счастьем Кеши. За него не нужно болеть двадцать лет.

Глаза рембрандтовской попутчицы раздвинулись, перрон поплыл за окном, и я заметила, что соседка давно перестала точить слезы. Да, слезы всегда высыхают – таков их химический состав.

И только один пассажир в нашем купе до Москвы так и не проснулся. Но никакой тайны тут не было. Мы сразу поняли, что это врач. Так потом и оказалось. Он так устает на работе, перерабатывает, чтоб как-то кормить семью. Святой отче Сергие Радонежский, ты небесный покровитель России – помоги нашим врачам выстоять! И учителям! И нам, писателям!

АНТОН

Второклассник Антон в мае купил контурные карты для третьего класса, потому что Раиса Константиновна сказала: «Спорим, что некоторые из вас будут слоняться из угла в угол, а контурных карт не купят!»

Мама увидела у Антона эти карты и вдруг воскликнула:

– Бог ты мой! Как я любила заполнять контурные! Хорошо – есть дети, а то бы и свое детство не вспомнила: часами я просиживала, заполняла...

Антон понял, что редкая минута маминой размягченности настала.

– У меня сегодня двойка – по математике! – весело сообщил он.

– Однажды у меня тоже была двойка. Ой, какое у тебя грязное трико! – перевела разговор мама.

– А это мы на физкультуре.

– Что – на физкультуре?

– Кувыркались.

– Ну, снимай скорее свое трико цвета физкультуры и стирай! – сказал папа и как ни в чем не бывало продолжал читать сестрам стихи.

Он каждый вечер читал то стихи, то рассказы, и вот сегодня тоже начал какую-то «Атомную сказку» про лягушку и про Иванушку, но на кухне Антону было плохо слышно. Он замочил трико в тазике и вышел послушать.

...вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Сонечка сказала:

– Ведь если он одну лягушку увидел – умнее стал. Еще одну увидел – еще умнее стал. А зачем электрический ток пускать? Вот дурак...

– Для первого класса это неплохое рассуждение, – сказал отец.

Антон понял, что опять можно выступить с математикой:

– А еще от велосипеда умнее становишься. Да! Он развивает математические способности – я читал.

– Да, но у тебя-то... у тебя шестерки по математике, а Раиса Константиновна шестерки ставит только самым умным!

– Да-а, а сегодня я двойку получил, вот!

Мама тут сразу все поняла и закричала:

– Дипломат! Вы на него посмотрите! Он специально двойку получил – специально, чтобы велосипед выпросить! Дипломат нашелся. А я вон сумку себе купить не могу, я вон с какой сумкой хожу! – Тут она встряхнула своей сумкой, из которой посыпались разные направления на анализы и визитки «скорой помощи» (мама всегда писала по ним благодарности).

Соня стала собирать бумажки и защищать маму:

– Да! Мама с такой сумкой, что моя подруга попросила ее на Новый год: «Я делаю костюм старухи Шапокляк – мне бы еще сумку вашу, и всё!» А ты с велосипедом! Он слишком дорого стоит.

– «Подросток» не такой дорогой. Но их же нет, – добавила сестра Наташа.

– И у меня летом не будет друзей – они все на велосипедах. У меня и так друзей мало, – уныло затынул Антон.

– Друзья ведь не мухи, чтобы стаями летать вокруг, – отрезал отец.

– Возьмем на неделю опять в прокате, – сказала мама. – А то что: за музыкалку платите, родители! велосипед купите, родители! Всё вам. А нам что – разорваться? У меня вас четверо, я не могу всем вас обеспечить... Где у меня силы?

– Но, мама, нужно было, наверное, рассчитывать свои силы, прежде чем заводить четвертого ребенка!

– Ах так! А я и рассчитывала, что вы будете мне помогать! А ты вместо этого изводишь меня своими хитростями, дипломат нашелся! Иди помогай лук чистить.

– Зачем лук?

– В пирог – зачем еще! Я же пеку, пеку целыми днями, чтобы вас накормить, чтобы хватало. В плите вон яблочный печется, а потом рыбный поставлю. А ты будешь еще меня двойками изводить, хитростью и жадностью. Я вот напишу в вашу газету «Кактусенок»!

– «Кактусенок» у Сони, у Антона «Горчичник», – сказал отец, ходивший на все родительские собрания.

– «Горчичник» – это у нас, – сказала Наташа. – У них «Жало».

– Ну, напишу в «Жало», – уже спокойно сказала мама, видя, что Антон надел очки для бассейна и чистит луковицу за луковицей.

«Московское время двадцать часов», – объявил диктор радио.

Антон понял, что сейчас его отправят спать, как и сестер. Уже десять часов, а в Москве всего восемь. Спать ему не хотелось, и он медленнее стал чистить лук, приговаривая:

– Московское время стояло
В прекрасной своей красоте.
Под ложечкой вдруг засосало,
И мы побежали к плите.

Обычно его хвалили за стихи, а сегодня мама снова заругалась:

– К плите вам! Как спать, так сразу есть, пить, читать! Я вас отлично знаю – идите спать, и всё.

– Ну дайте мне одно яблоко, и всё, я пойду спать.

– Антон, иди! Никакого яблока, – отрезал отец.

– Ну вот... вы! Я вам в старости тоже яблок не буду давать! – закричал сын.

– Обнаглел совсем! – закричала мать. – Двойку принес – при его-то голове двойку! Дипломат нашелся – обмануть нас захотел! Да еще угрожает яблоки в старости не давать.

– Ну, дорогая, остановись, на детей это не действует – твои крики, – вступил отец.

– Мои крики – ладно, меня изводит – ладно: я где-то упустила, значит. А Раису Константиновну он за что изводит двойками?

– Антон, всё, иди спать, и мы запасем яблоки на старость.

Когда дети утихомирились, отец взял большой лист картона и написал четко черным фломастером: ЯБЛОКИ, ЗАПАСЕННЫЕ НА СТАРОСТЬ. А утром, когда дети собирались в школу, отец стоял возле этого картона и аккуратно резал яблоки, укладывал рядом на картон и советовался с матерью, как лучше сушить – в плите или на балконе.

Девочки закричали: мол, что за глупости, ведь если Антон не даст яблок, так они-то все равно дадут, а их три все-таки. Но отец отвечал: мало ли как сложится жизнь, а вдруг дочери будут жить в другом городе, и Антон не даст яблок...

– Да ведь я пошутил! – кричал Антон, отбирая нож у отца. – Я буду кормить вас яблоками, грушами, сливами!

– А может, ты сейчас шутишь? Чему тут верить?

– Ну папа!

– Что, Антоша?

– Папа!

– Что?

– Отдай нож!

– Нет, не отдам, – продолжал отец резать яблоки, но тут мама попросила его покачать коляску.

Антон в это время зачеркнул надпись «Яблоки, запасенные на старость» и написал: «Папа, брось эту привычку – запастись яблоки на старость!» Отец вернулся на кухню и зачеркнул слова Антона, написал прежние. Антон заплакал.

– Ну, простим его, – сказала мама. – Посмотри: он заплакал слезами крупными, как яблоки.

– Как яблоки, которые мы не получим в старости, – сказал отец и ушел на работу.

Тогда Антон стал хватать нарезанные яблоки и запихивать их в рот. Съесть столько яблок было непросто – в животе началось урчание. Но все-таки он съел, потом порвал картон с надписью и убежал в школу вслед за сестрами.

В классе ребята придумали стрелять жеваной бумагой. Из трубочек. Но Антона немного подташнивало от яблок, запасенных на старость, и он не стрелял. На уроке Тимошин выстрелил и попал прямо в Раису Константиновну. Она застыла в странной позе: словно в плен сдается. Руки вверх, а глаза выкачены. Когда она так делает глаза, все в классе становятся тихими.

– Антон, иди сюда! – сказала Раиса Константиновна. – Меня парализовало, я не могу сдвинуться с места. Напиши заявление от моего имени.

Антон взял ручку.

– Заявление директору школы, – диктовала Раиса Константиновна. – Прошу меня уволить на пенсию, так как ребята стреляют в меня неизвестными видами оружия. Написал? Отнеси это заявление директору!

Раиса Константиновна была уже год на пенсии и работала лишь по просьбе родителей. Ребята поняли, что дело плохо. Они начали рыдать, некоторые хватили Раису Константиновну за руки и умоляли остаться в классе. Тогда она стала медленно опускать руки, медленно садиться на свое место.

– Ну, кажется прошел паралич, – сказала она и тут же строго добавила: – Сдавайте тетради!

На перемене Тимошин подошел к Антону:

– А у меня новый велосипед «Кама»!

– Ну и радуйся до пенсии, – уныло ответил Антон.

– А хочешь, я тебе старый «Подросток» подарю?

– Хочу! А я... я тебе такой подарок ко дню рождения приготовлю, что пальчики оближешь, мороз по коже, волосы дыбом!

И весь день Антон как привязанный ходил за Тимошиным – прямо закадычные друзья, да и только. Тимошин был очень доволен. Рассказал Антону анекдот:

– Собрались король, немец и русский...

Дальше Антон не слушал, но все равно дружественно посмеялся (что и говорить, он был дипломат: заметил ведь нелепость сборища – «король, немец и русский», – но промолчал).

И вот вечером Тимошин привел Антону велосипед и передал наставления папы: «Если осторожно кататься, то вполне можно ездить».

Антон думал, что сестры будут, как обычно, играть в дочки-матери, а он покатается. Но сестры тоже хотели покататься. И Наташа ездила очень быстро, к тому же давала прокатиться своим подругам, а Соня вообще много падала. Таким образом, велосипед уже через час был сломан. Но мама пообещала позвать Колю Дёмина, который все умеет и даже велосипед отремонтирует. Всю ночь Антону снились гонки.

Утром он сказал соседу по парте Мише Гладкову:

– Мне Тимошин подарил велосипед!

– Да? Ну и радуйся до пенсии, – ответил Гладков, а сам тут же пошел к Тимошину выяснять этот вопрос. «Дурак я – похвастался», – подумал Антон. И был прав. Уже через десять минут Антон услышал:

– А Тимошин у тебя заберет и мне подарит!

– Ну и пусть! Ну и бери свой сломанный велосипед! Кому он нужен!

Весь день Гладков ходил за Тимошиным, как его лучший друг. И слушал его анекдоты. Смеялся. И списать по русскому дал.

Мама заметила, что Антон пришел грустный, и сказала:

– Пойду сейчас же позвоню Коле Демину.

– Не надо. Ведь Тимошин забирает велик обратно, он его пообещал Гладкову подарить.

– Почему?

– Я сам виноват. Сказал Гладкову, а он сразу попросил у Тимошина.

– Ну и дипломат этот Тимошин! Хочет теперь в классе положение свое упрочить с помощью велосипеда!

И тут звонок в дверь – Тимошин с Гладковым за велосипедом.

– Вы забираете с разрешения твоих родителей? – спросила мама.

По лицу Тимошина было видно, что он не любил думать о неприятном и не заготовил заранее никаких ответов.

– Э-э, что вы говорите? – спросил он, чтобы потянуть время.

– Я говорю, что мы отдадим велосипед, но не тебе, а твоим родителям. Подарили вчера – сегодня забирают.

– Кто забирает? Мы просто покатаемся просим.

– Это так, Миша? – спросила мама Антона.

Миша по-хозяйски ухватил руль велосипеда:

– Мне Тимошин подарил его. Я ему за это списывать даю.

Ребята побежали вниз, только слышно было, как Тимошин кричал Мише:

– Ох, я бы треснул тебя по голове, чтобы ты кувыркался два часа! Зачем сказал все? Зачем?

А мама пошла к Тимошиным.

Мама Тимошина готовила салат: крутила морковь на овощерезке и давила чеснок на дивной чесноковыжималке. Кругом стояли еще разные фруктопревращалки. Мама Тимошина приветливо улыбнулась:

– Как написано у сына в школе: «Ешь побольше витаминов – будешь толще всех пингвинов».

– По-моему, он у вас и так толще, – сказала мама Антона. – Вы что, забираете велосипед обратно?

– Он мне сейчас сказал... Ничего мы не хотели, но если он решил Мишеньке передарить, то они ж дворяне.

– Кто?

– Дворяне. С одного двора. Вот и все. Вы уж не обижайтесь. Они ведь дети.

– До свиданья, – сказала мама Антона.

Лето прошло хорошо. Антону купили детскую логическую машинку, и он то узнавал по ней характеры сестер, то отгадывал задуманное число. Еще он помогал маме по хозяйству, потому что она рассчитывала на его помощь. И в августе брали на целую неделю в прокате велосипед.

Первого сентября Антон пошел в третий класс.

– Можно, я в гости схожу к Тимошину? – спросил он вечером.

– Что-о? – возмутилась мама. – Ты ему все простил?

– Но ты сама внушала, мама, что нам ничего другого не остается... что нужно расти добрыми... ну, что оружия на земле столько накоплено, что выбора нет. Злые-то вырастут и воевать начнут.

– Ну, если с такой точки зрения... Иди. Но я еще спросить хотела: он ничего тебе не обещал? Подарить, например.

– Он обещал дать поиграть кубик Рубика. А я уж подарю ему что-нибудь за это. Он так сказал.

– Диплома-ат! – воскликнула мама. – Политик из него вырастет!

Антон ответил, что для этого Тимошин слишком неграмотно пишет и очень плохо составляет предложения. И пошел в гости к Тимошину.

Мама Тимошина угощала детей арбузом, причем вырезала самую середину для сына. Антон сказал:

– Наш папа никогда не дает детям сразу середину. Он говорит, что если давать детям середину арбуза, то они и будут думать, что жизнь – это сплошная середина арбуза.

– Если ваш папа такой умный, то почему он велосипед не может отремонтировать? – ответила мама Тимошина.

Антон смолчал. Ведь Тимошин так и не вернул ему отремонтированный велосипед.